

Виктор Кривулин

Серенький, морозящий, воистину петербургский дождик мелких литературно-художественных премий неожиданно-негаданно пролился в уходящем году на грустный, щемяще-провинциальный ландшафт нашей нынешней культуры. Чем пышнее и претенциознее были названия премий, тем жалче, символичнее оказывалось их денежное наполнение. Вслушайтесь: "Северная Пальмира" (600 долларов + высокохудожественное произведение в виде фигурки неизвестного назначения + слава в масштабах Центрального района), "Царскосельская премия" (300 долларов + скульптурное изображение Екатерины II высотой 15 см + триумф в пределах суверенного города Пушкина), "Державинская премия" (денег несколько больше - 1000 долларов + бронзовая медаль с барельефом Г.Р. Державина, подставившего ухо слабым звукам нового времени, но зато зона славы сократилась - до размеров Коломны).

Не угнаться нам за пышными московскими презентациями среди шампанирующих фонтанов, пластиковых пальм, на фоне акул большого бизнеса, антилопей толпы топ-моделей и шакалей стаи депутатов Госдумы. Наш зоопарк победнее, попроще, под стать скромной северной природе, мхам да лишайникам, уточкам да тусклым звездам, только и умеющим, что говорить друг с дружкой через время, через расстояние, говорить, внемля исключительно Богу и не очень-то вслушиваясь в слова соседа по коммунальной квартире.

Узнаете ли за этими словами традиционный пейзаж русской классической поэзии - пейзаж стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, обязанным своим появлением на свет именно Петербургу? И если уж давать нашим нынешним поэтам какие-то премии, то, естественно, небольшие, скромные, и прежде всего за то, что из последних сил пытаются удержать, сохранить русское поэтическое слово, содержать его в лучшем состоянии, нежели городские власти содержат великолепные дворцы и царственные парки. Дворцы медленно разрушаются, парки лысеют, особняки выгорают. Не помогают ни турецко-финские реставраторы, ни бешеные деньги коммерческих структур, по-купчески обосновавшихся под крышами бывших правительственных зданий, ни энтузиазм полусумасшедших одиночек.

Тот Петербург, или, если угодно, тот Ленинград, который мы знали, видимо, уже безвозвратно погружается в область ностальгических воспоминаний. Он будет жить только в графических листах и на полотне, а главное - в стихах, что составляют сейчас едва ли не последнюю его гордость, не расстраченную до сих пор часть его золотого запаса.

Итак, три премии, три лауреата, три современных петербургских поэта. Знакомство с ними следовало бы, в духе традиции, начать по старшинству, с Александра Кушнера ("Северная Пальмира"), чье имя хорошо известно с начала 60-х гг. знаатокам и любителям поэзии не только в нашем городе. Но именно это обстоятельство и затрудняет разговор о новых стихах Кушнера, формально послуживших поводом для присуждения премии. Дело в том, что степень известности того или иного литературного имени в послевоенное время, как правило, не соответствовала реальной ситуации в литературе.

На фоне подцензурной поэтической продукции стихи Кушнера, несомненно, выделялись: их отличал неизменный вкус, естественность тона, строгость и изысканность формы. Они были в лучшем смысле традиционными. До сих пор я вспоминаю строки, вызвавшие в свое время бурю в Смольном - тихие, точные и в то же время обнажавшие механизм тогдашней власти:

Танцует тот, кто не танцует -
Ножом по рюмочке стучит.
Гарцует тот, кто не гарцует -
С трибуны смотрит и молчит.
А кто танцует в самом деле
И кто гарцует на коне -
Тем эти пляски надоели,
И эти лошади - вдвойне.

Кушнер вернул советской поэзии вещность, предметность, сдержанную неоклассическую позу - все то, что казалось навсегда утраченным еще в 30-е годы. Он не открывал Америк - он открыл неожиданную актуальность акмеизма, он вернулся на полвека назад - и смог увидеть нашу повседневную жизнь сквозь оптически-преломляющее устройство под неуклюжим названием "мировая культура". Устройство это впервые с успехом было опробовано накануне революции О.Мандельштамом, Ахматовой, В.Ходасевичем, а потом отброшено как ненужное и устарелое.

Сторонясь идеологических и художественных крайностей, Кушнер избрал путь промежуточный, который можно определить как "осторожный эстетический либерализм". Эстетизация либерализма привлекла к стихам Кушнера тех, кому был не чужд либерализм политический. Порядочность, честность, умеренность и аккуратность на уровне стилистическом прочитывалась поклонниками Кушнера как своего рода идеология "интеллигентного сопротивления". Пафос незаметного героизма безмянных слугителей культуры казался вызывающим и радикально оппозиционным на фоне официальной громогласной патетики. Сейчас даже трудно представить, насколько диссонировали с риторикой, господствовавшей тогда в нашей поэзии, такие, скажем, строки Кушнера:

При всем таланте и уме
В библиотечной полутьме

Так и состаришься, друг милый.
А я на школьных сквозняках
Состарюсь, мел кроша в руках,
Втирая в доску что есть силы.

У века правильный расчет,
Он нас поглубже затолкнет
(Он знает: мы такого теста)
Туда, где ценятся слова,
Где не кружится голова -
И это, точно, наше место.

Естественно, литературное начальство не вполне было довольно такой позицией, да и для самого поэта, в конце концов, она оказалась слишком обременительной - старению на школьных сквозняках он предпочел вечную молодость в коридорах издательства "Советский писатель" и келейную тишину комаровского Дома творчества. Правда, ключевых писательских постов не занимал, но и никогда не оказывался в позиции гонимого - его притесняли, на него прищипывали, но никогда не вызывали не то что в КГБ, а даже в паршивый какой-нибудь партком Союза писателей, его цензурировали, но регулярно печатали, его имя замалчивали, но не инсценировали той травли, какой удостаивался, скажем, Леонид Аронзон, не говоря уж об Иосифе Бродском.

Не будучи опальным поэтом, Кушнер демонстрировал позицию лояльного к властям, но по-человечески порядочного литератора, знающего толк в таких вещах, как дружба и застольная беседа о Фете или об Ин.Анненском. Он учил писать стихи - и делал это профессионально, эффективно, создав в Ленинграде целую школу своих последователей. Естественно, такая позиция весьма импонировала той части интеллигенции, которая в России эпохи застоя опустила себя как бы не совсем в своей тарелке. Можно сказать, это была все та же до мозга костей советская интеллигенция, но чуть поначитанней, попристойней, повоспитанней своры раболепствующих литераторов от сохи и от станка, составляющей подавляющее большинство Союза советских писателей.

Те же, кто был настроен более радикально, кто чувствовал себя не совсем, а совсем не в своей тарелке, читали Кушнера не столько с удовольствием, сколько с удовлетворением от того, что все-таки наша литература не насквозь продажна и бездарна. Для души эта категория читателей предпочитала стихи Бродского, Бобышева, Елены Шварц, многих других поэтов, которые до перестройки вовсе не публиковались. В период перестройки умеренный либерализм Кушнера, в отличие от тайного вольномыслия его московских коллег, скажем - Олега Чухонцева или Юрия Нагибина, почему-то остался абсолютно незапамятным. Обесцененная Москва тогда спешно чествовала своих героев, до Питера руки не доходили. Так что "Северную Пальмиру" можно считать запоздалым признание несомненных, хотя и скромных старых заслуг Александра Кушнера и перед отечественной культурой и перед новой российской демократией.

"Северную Пальмиру" пышно и торжественно, с телекамерами и софитами вручали в очередную годовщину рождения А.С.Пушкина, 6 июня в душевной, переполненной Санкт-Петербургским филологическим бондом гостиной Дома композиторов. А 15 июля подоспела годовщина державинская, и во дворике очаровательного особняка на Фонтанке, когда-то принадлежавшего певцу Фелицы, собралось несколько десятков человек - писатели, журналисты, музейные работники, музыканты. Они стали участниками уютной, почти камерной церемонии вручения Державинской премии поэту Олегу Охалкину. Небольшой оркестрик, то и дело заглушаемый волнами транспортного шума, исполнил полупшепотом знаменитый марш "Гром победы, раздавайся", прозвучали речи и стихи, и снова музыка 18 века, органично слившаяся с шуршаньем шин по раскаленному асфальту и шелестом листьев. Обстановка абсолютно соответствовала самому строю стихов Олега Охалкина, чья литературная судьба, в отличие от кушнеровской, может быть охарактеризована как принципиально, блистательно неблагоприятная.

Охалкин был одной из наиболее ярких и колоритных фигур ленинградского литературного подполья 60-70 годов. Даже те, кто никогда не читал его стихов, знают, наверное, это имя - по крайней мере, из рассказов Сергея Довлатова, где поэт Олег Охалкин появляется

Ю.Евлампов. Увиденное (12 листов), лист 9. 1993.
Черно-белая фотография. 18x24 см